

После того как Яёи нажал «Да», мгновенного выхода из игры не произошло. Окружающий мир бесследно растворился в хлынувшем отовсюду белом свете, и юноша очутился в абсолютно пустом, стерильном стартовом пространстве.

В воздухе перед ним проступили светящиеся строчки:

[Поздравляем! Вы первый игрок, разблокировавший три пасхалки.]

[Ваш аккаунт: N_uayoi, номер телефона: 080*184. После выхода из игры наша компания свяжется с вами.]**

Глядя на эти строки, Накахара Яёи наконец почувствовал слабый укол реальности: все пасхалки действительно собраны, и это странное путешествие подошло к концу.

Он свернул парящую в воздухе панель и развеял собственную способность.

Сияние стартовой зоны медленно угасло. Закрыв глаза, Яёи позволил себе погрузиться в вязкую темноту.

[Вы вышли из игры.]

Яёи обнаружил, что сидит на глубоком диване в собственном кабинете.

Он повернул голову к панорамному окну — снаружи расстилась глухая, непроглядная ночь. Юноша бессильно откинулся на мягкие подушки и уставился в потолок, чувствуя в голове звенящую пустоту.

К играм Яёи всегда относился со всей серьезностью, граничащей с перфекционизмом. Именно поэтому сейчас в его душе шевелилось грызущее чувство, будто «Обитель любви: Магический колледж» так и осталась незавершенной. Как-никак шкала симпатии Гето Сугуру остановилась в жалких пяти шагах от финала, да и ключевые сюжетные ветки оборвались на полуслове.

Ему не удалось ни разрешить вечный конфликт между магами и проклятиями, ни вытащить на свет тех заговорщиков из верхушки, что злоупотребляли властью ради срыва слияния. А ведь в его понимании идеальный финал выглядел просто: полное, под корень, истребление всех проклятых духов.

В груди зрело глухое раздражение из-за этой недосказанности. Но куда сильнее беспокоило другое...

Перед глазами то и дело возникало лицо Годжо Сатору. Яёи помнил его широкую, беззаботную улыбку, помнил и ту горькую, обжигающую слезу, что соскользнула с ресниц Сатору и упала ему на щеку.

Яёи порывисто сгреб в охапку диванную подушку и уткнулся лицом в растрепанные шелковые кисти.

Когда-то он планировал запустить второе прохождение, чтобы без спешки, в свое удовольствие полюбоваться пейзажами игрового мира. Теперь эта затея казалась невыносимо скучной. Всё это пустое. Игра оставалась лишь средством достижения цели — настоящей наградой должны были стать акции компании.

Сделав глубокий вдох, Яёи попытался вытряхнуть из памяти образ этих сияющих, как драгоценные сапфиры, глаз. Но очертания лица Сатору упрямо стояли перед мысленным взором, не желая блекнуть.

Юноша и сам не понимал, откуда взялась эта давящая, необъяснимая тяжесть в груди. Растянувшись на диване, он позволил своим мыслям бесцельно блуждать в полумраке комнаты.

Спустя какое-то время в тишине коридора раздался знакомый писк электронного замка, а вслед за ним — негромкий щелчок открывающейся двери. Накахара Чуя вернулся домой.

Яёи поднялся с дивана, торопливо вышел в коридор и направился к вешалке у входа.

Услышав приближающиеся шаги, Чуя поднял голову и заметно расслабился. Последние несколько дней он ужасно изводил себя тревогами, но помнил строгий наказ брата ни в коем случае не беспокоить его в кабинете, а потому послушно держался в стороне.

— Наконец-то ты выбрался, — улыбнулся Чуя. — Ну что, прошел свою игрушку?

Яёи едва заметно качнул головой:

— Не совсем. Но награду я забрал.

Заметив, насколько понурым выглядит брат, Чуя шагнул ближе и по-свойски приобнял его за плечи:

— Что стряслось? На тебе лица нет.

— Всё нормально, — поспешил откреститься Яёи. — Просто... внутри как-то пусто.

Чуя с сомнением взгляделся в бледное лицо брата. Тот явно осунулся за эти дни. Схватив Яёи за запястье, Чуя нахмурился — рука парня казалась пугающе тонкой.

— Ты там вообще ел? — обеспокоенно спросил Чуя, силясь найти рациональное объяснение. — Или это из-за жары аппетит пропал?

— Возможно, — глухо отозвался Яёи. — В игре сейчас середина апреля. Стоит жуткая духота, влажность зашкаливает, и постоянно льют дожди.

Чуя ободряюще взъерошил ему волосы на макушке и, дотянувшись до пульта на стене, сделал кондиционер попрохладнее.

— Проголодался?

Мысленно вернувшись к многочасовым блужданиям по горным тропам, Яёи почувствовал, как в животе тоскливо заурчало:

— Пожалуй, да.

— Почти полночь, нормальные заведения уже закрыты, — вслух прикинул Чуя. — Но изакая на углу точно работает. Возьму там навynos пару порций одэна, а дома поджарим быстрые гёдза из морозилки. Хватит перекусить.

Приняв решение, он тут же достал телефон и принялся набирать номер хозяина заведения.

Во рту пересохло. Яёи дошел до кухни, взял с сушилки чистый стакан и, приоткрыв дверцу холодильника, засыпал туда горсть колотого льда.

Пока текла вода из фильтра, тонкое стекло покрылось прохладной испариной и сделалось скользким. Боясь выпустить его из рук, Яёи инстинктивно сжал ладонь крепче.

Раздался резкий хруст. Стекло в его пальцах без всякой видимой причины разлетелось на мелкие осколки. Ледяная крошка вперемешку с острыми гранями брызнула по предплечью, а холодная вода мгновенно пропитала рукав домашней толстовки.

Он замер, глядя на мокрую ладонь. Яёи был абсолютно уверен: никакого усилия он не прикладывал, просто держал стакан, как обычно.

"Почему так произошло?"

Услышав из кухни звон бьющейся посуды, Чуя прервал звонок и заглянул за перегородку.

Оценив масштаб катастрофы, он тут же мягко вытолкнул брата из опасной зоны:

— Стой, не хватайся руками. Я сам все уберу, а ты иди переоденься, весь промок ведь.

Яёи послушно ушел к себе. На ходу стягивая влажную толстовку, он зашел в гардеробную, выудил с полки чистый свитшот, а промокшую одежду бросил в корзину для белья.

Собираясь натянуть сухую ткань, он мимоходом бросил взгляд в ростовое зеркало на дверце шкафа.

Дыхание перехватило. Рука, державшая одежду, безвольно застыла в воздухе.

Под яркими софитами гардеробной его бледное обнаженное тело было как на ладони. На белой, почти прозрачной коже выделялось любое, даже самое крошечное пятнышко.

На правой стороне живота, чуть выше тазовой кости, отчетливо виднелся ровный трехсантиметровый шрам светло-коричневого оттенка. Тот самый след, который оставила на его теле Перевернутая небесная алебарда.

Это противоречило всякой логике.

Виртуальное пространство и объективная реальность не должны пересекаться. Раны, полученные персонажем внутри симуляции, физически не могли отпечататься на его настоящем теле.

Накатившее чувство тревоги сдавило горло. Яёи медленно провел кончиками пальцев по шероховатой отметине на коже, и его брови сошлись на переносице.

Годжо Сатору сидел перед письменным столом в комнате Накахары Яёи, невидящим взглядом изучая узоры на полированном дереве.

Прошел ровно месяц с тех пор, как Яёи бесследно исчез.

Той ночью, месяц назад, Сатору точно так же безучастно сидел у окна, погруженный в собственные безрадостные думы.

Гето Сугуру тогда не на шутку разволновался из-за долгого отсутствия Яёи, одолжил у хозяина гостиницы тяжелый фонарь и отправился на поиски. А Сатору, упорно лелея свою детскую обиду, наотрез отказался помогать. Он демонстративно залез под одеяло и сделал вид, что

крепко спит.

Но когда Яёи не объявился ни к утру, ни к полудню следующего дня, спесь с Сатору мигом сошла.

Не выдержав томительного ожидания, он нехотя признался Сугуру, что перед уходом Яёи шел в сторону побережья.

Поиски затянулись. Лишь спустя полчаса кропотливого прочесывания местности они наткнулись на едва различимый след его проклятой энергии. Остаточный шлейф привел их напрямик к скалам Онигадзё. Там, в самом сыром и темном тупике приливного грота, они обнаружили вещи Яёи.

Аккуратно сложенная форменная куртка, Око Бодхи, усиливающее проклятую силу, пространственный амулет, который ему подарил сам Сатору, и мобильный телефон.

Самого юноши нигде не было. Он словно растворился в воздухе.

Они прочесали близлежащие склоны, заглянули под каждый куст, даже арендовали моторную лодку, чтобы обследовать все выступы и отмели моря Кумано-нада. Всё впустую.

Никаких новых следов энергии, ни единого отпечатка обуви на влажном песке — Яёи словно никогда здесь и не было.

Для магов пропасть без вести — дело обыденное. Но когда человек исчезает там, где нет ни малейших признаков борьбы или чужого вмешательства, это наводит на самые мрачные мысли.

Получив тревожные вести, Яга Масамичи тут же поднял на ноги местных шаманов Кумано, умоляя оказать содействие. Местные прочесали префектуру вдоль и поперек, но вернулись ни с чем.

В итоге дело передали на рассмотрение в Главный совет магов, а Сатору и Сугуру по приказу обеспокоенного директора пришлось спешно возвращаться в Токийский столичный магический технический колледж.

Оказавшись у дверей комнаты Яёи, Сатору долго переминался с ноги на ногу, прежде чем достать дубликат ключа и провернуть его в замке.

На столе сиротливо лежал плотный картонный скоросшиватель. Сатору бережно взял его и принялся медленно, вчитываясь в каждое слово, перебирать исписанные листы.

С каждым абзацем он всё отчетливее понимал: Яёи его не обманывал.

Да, парень умалчивал о многом, но делал это намеренно, скармливая Ито Тэрухико лишь ворох пустых, ничего не значащих бытовых сплетен.

Сатору прекрасно помнил собственную неосторожность. Он доверял Яёи настолько, что без колебаний выболтал ему и секрет Мнимой техники «Фиолетовый», и уязвимые места «Безграничности».

Яёи был умным парнем. Он не мог не понимать, что ценность этих козырей в сотни раз превышает сведения о том, во сколько Сатору ложится спать и что ест на завтрак.

Но в отчетах, которые уходили Тэрухико, об этих техниках не было упомянуто ни единым словом.

Управляющий Амбэ, не посвященный в тайны Сатору, пришел в ужас от самого факта шпионажа, посчитав даже мелкие бытовые отчеты предательством.

Но сам Сатору знал правду. Если бы Яёи действительно желал ему зла, у верхушки шаманов уже давно были бы все ключи к его абсолютной защите.

Глядя на ровные строчки отчетов, величайший маг современности впервые в жизни почувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

Не в силах держать эту бурю в себе, он поделился открытием с Сугуру и Иэири Сёко.

Озадаченные его поведением, друзья пришли в комнату пропавшего одноклассника и вместе перечитали все бумаги до последнего листа.

Сугуру первым нарушил молчание, озвучив то, о чем думал Сатору:

— Здесь только твои привычки. О «Фиолетовом» ни слова.

Сёко согласно кивнула.

— Яёи — всего лишь сирота, которого приютил этот Ито, — негромко произнесла она, прислонившись спиной к краю стола. — У него не было выбора. Но даже так он сделал всё возможное, чтобы тебя обезопасить.

Сатору отчаянно нуждался в этих словах.

Они прозвучали для него как долгожданный оправдательный приговор, мгновенно выжегший из души остатки обиды на ложь Яёи.

Опасаясь, что Тэрухико может убрать неугодного исполнителя, Сатору не стал поднимать шум. Он промолчал перед Амбэ, скрыл происхождение Яёи от Яги-сенсея, доверив тайну только самым близким — Сёко и Сугуру.

Сатору верил, что Яёи жив. Он собирался дождаться его возвращения, а уже потом лично свести счеты с Ито Тэрухико.

Главный совет магов, разумеется, палец о палец не ударил ради поисков. Напротив, узнав об исчезновении строптивого юноши, старейшины вздохнули с облегчением — одним источником головной боли для них стало меньше.

Лишь Ито Тэрухико пребывал в ярости. Он наводнил своими ищейками весь Кумано, заручившись поддержкой главы клана Камо, но поисковые отряды раз за разом возвращались с пустыми руками.

В этом томительном, сводящем с ума ожидании пролетел целый месяц.

Управляющий Амбэ как-то раз осторожно намекнул Сатору, что в главной усадьбе считают исчезновение Яёи банальным побегом виновного. Но Сатору лишь молча качал головой. Он упрямо верил, что Яёи вернется.

Он забрал оставленные на побережье вещи Яёи к себе. Черную куртку повесил в свой шкаф, а магические артефакты бережно уложил в ящик стола.

Раз в несколько дней Сатору приходил в пустующую комнату. Здесь всё оставалось нетронутым, точно в день исчезновения хозяина. На углу стола даже сиротливо стоял стакан, в котором испарялась налитая когда-то вода.

Под стеклянным донышком лежала глянцевая карточка — совместный снимок, который сделал для них Хайбара Ю.

На фото Яёи стоял под сенью раскидистых ветвей цветущей сакуры, слегка повернув голову в сторону Сатору. Объектив камеры запечатлел его удивительно живым, настоящим: в глубине его темно-зеленых глаз дрожали отблески ясного весеннего неба и нежно-розовых лепестков.

В груди Сатору снова заворочалась тупая, щемящая боль. Оказалось, что любить порой бывает гораздо больнее, чем ненавидеть.